

Дмитраков Андрей Михайлович

к.филос.н., Белгородский юридический
институт им. И.Д. Путилина;

Дмитраков Роман Андреевич

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

ФЕНОМЕН БЕЗОПАСНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Для современного человека безопасность является одной из безусловных и необходимых ценностей. Сегодня она достаточно широко трактуется от безопасности жизни как таковой, безопасности физического тела, духовной безопасности, общественной, безопасности информационной, экологической и ряда других. Ее обеспечение является одной из главных задач любого государства и более того, выходит на надгосударственный уровень в деятельности мировых структур: Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Системе коллективной безопасности в рамках СНГ, Организации Американских государств, Организации Африканского единства, а также Лиги арабских государств.

Внутри государств множатся структуры, отвечающие за обеспечение безопасности граждан. Развитие технических средств контроля и систем «больших данных» уже сейчас позволяют получать беспрецедентное количество информации, применимой для предотвращения и профилактики противоправных действий. Более того, сами граждане активно включаются в процесс обеспечения безопасности, особенно после того, как террористическая угроза стала печальной реальностью повседневной жизни.

В таком контексте непрестанной угрозы безопасности, несколько противоречиво выглядит заявление Стивена Пинкера о том, что никогда

человечество не существовало так безопасно, как сегодня. Современный мир, несмотря на различные проявления насилия, от бытового и криминального, до терроризма, геноцида и войн, гораздо более защищен от насилия, чем когда-либо в своей истории существования. Никогда ранее человеческая жизнь не ценилась больше и никогда ранее безопасность сама по себе не являлась предметом такой пристальной заботы и предметом попечения и человека и государства.

Последнее достаточно очевидно и без привлечения данных «большой истории». Наш повседневный опыт раздваивается между достаточно безопасной реальностью и угрожающим воображаемым, сконструированным уже не столько идеологически, сколько культурно и концептуально. Актуальность исследования определяется попыткой выявить истоки указанного противоречия в контексте его культурного основания. Поскольку сказанное выше, при всех возможных оговорках, преимущественно относится к пространству западно-европейской цивилизации и культуры. И она же создает концептуализации, в рамках которых находится исследовательская мысль, задающая границы осмысления феномена безопасности.

Анализа концепта «безопасность» в соотнесении теоретических обобщений с реальным бытием живого человека, феноменальностью опасностей и стремления к безопасности в культурной ткани истории европейской цивилизации может отталкиваться от осмысления античного опыта, в том числе концептуализированного. В этой связи можно говорить о том, что полис возникает как безопасное пространство, предназначенное для сохранения жизни (bios) античного человека, который создавал сам себя через практики номотетики, сопротивляясь угрозе «голой жизни» (zoé). Полисные гарантии безопасности дают сбой не только вследствие коррупции власти но также по причине неустранимости угрозы парадоксального вмешательства «божественного насилия» в установленный человеком порядок. Через оппозицию мирского – божественного проблема обеспечения

безопасности получает развитие в пастырских практиках христианства. Начиная с эпохи Просвещения и далее модерна безопасность понимается как состояние минимизации насилия, достигнутого в результате договора.

При этом значительные смещения рефлексии безопасности сегодня связаны с тем, что история XX века показала, что безопасность больше не обеспечивается рациональными договоренностями и незыблемыми государственными институтами. Угроза безопасности исходит от Другого, который может быть как внешним, так и внутренним. При этом Другой локализован разнообразно, как идеологический Другой тоталитарного режима, Другой абстрактного закона, религиозного фанатика или террориста, инокультурный Другой мигранта. Безопасность без каких-либо гарантий и экзистенциальных опор есть следствие развития и деконструкции рационалистического проекта «общественного договора». Концепция биополитики критически осмысливает рационалистический проект управления жизнью.

Биополитика сменяет предшествующие формы власти, законность и дисциплинарность, отличаясь от них способом обращения с жизнью, что конкретизируется в техниках нормализации множеств (людей как множеств), техниках обработки и установления пространств безопасности, обращения со случайным (тем, что не поддается нормализации), а также способах связи между техниками безопасности и населением. Биополитика «работает» с естественным пространством и множественностями как совокупностью биологических существ. Существенно изменяется само функционирование политики, которая подходит к своему пределу и уже не скрывает своего основания, «голой жизни». Вычет политико-идеологического содержания, религиозного, экзистенциально-человеческого обеспечивает беспрецедентный уровень безопасности, но создает угрозу расчеловечивания.

Несколько иначе решает проблему теория психоанализа, исходя из внутренней структуры человек, в основании психики которого лежит травма. Стремясь к ее устранению, сознательное подчиняется власти

Другого. В обществе постмодерна эта инстанция запрета раскрывается через свое преодоление и безопасность становится все более иллюзорной. Безопасность удаляется по мере совершенствования технологий и практик ее обеспечения. Устранение непосредственного физического насилия не устраняет ощущения угрозы, которая отсылает к онтологическому насилию и насилию структурному.

Иващук Ольга Федоровна

д.филос.н., профессор, Российская академия народного
хозяйства и госслужбы при Президенте РФ

СООБЩЕСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЙ Т-КОНТИНУУМ

Термин Т-континуум ввел М.К.Петров, под влиянием Т. Куна. Если Т. Кун показал, что наука как производство знания имеет предпосылкой сообщество, то Петров понял это сообщество максимально широко, т.к. науку он осмыслил не просто как частную сферу деятельности определенной группы людей, но так, что современный человек «живет в непосредственном присутствии ... всеведущего, всемогущего и даже всеблагого «духа» или «эфира» науки, способного и даже обязанного по первому требованию сгущаться и материализовываться во вполне конкретную и телесную фигуру ... врача, инженера...» и т.п. специалиста, имеющего диплом от имени науки [Петров М.К. История институтов науки. Ростов-на-Дону, Изд. ЮФУ, 2017. 404 с. 24-25]. Такое понимание дало возможность выделить своего рода естественную меру, единицу анализа науки как целостного феномена, который воспроизводится в европейском культурном очаге внутри сообщества, говорящего на одном национальном языке и в привязке к